

rzystwa Ludoznawczego. Tymi właśnie motywami kierował się powołując „Studia Młodych” czy umożliwiając przygotowanie monograficznego numeru „Ludu”, poświęconego postaci Claude Lévi-Straussa. Niestety, nie dane Mu już było ujrzeć wydrukowanego rocznika, który otwiera Jego zdjęcie z krótkim tekstem pożegnalnym od uczniów, współpracowników i przyjaciół. Nie doczekał także jubileuszu 50-lecia pracy naukowej, jubileuszu, z którego planów obchodzenia był bardzo niezadowolony i usilnie upraszał, aby nie nadawać mu oficjalnego charakteru. Nie pragnął wielkiej fety, jak to było w przypadku 40-lecia pracy — może ze względu na pogarszający się stan zdrowia? Stało się jeszcze inaczej. Odbijający się we wrześniu 1987 roku II Zjazd Absolwentów Etnografii UAM w Poznaniu poświęcono pamięci prof. Józefa Burszty, który mógł przyglądać się ogromnej rzeszy wychowanków jedynie ze zdjęcia zawieszonego w sali obrad.

Nie wiem, czy brało się to z faktu pochodzenia z tradycyjnie ciekawej świata Galicji, ale Ojciec pragnął stać się uczyć, unikał zasklepienia się w utartych paradygmatach myślenia etnograficznego. Stąd podjął się redakcji naukowej książki E. Halla *Poza kulturą* — zmusiło go to do przebrnięcia przez współczesną amerykańską antropologię kulturową. Z wieloma prądami nie identyfikował się, ale przyglądał z życzliwością i nadzieją, iż kiedyś czas pozwoli bliżej zgłębić problemy fascynującej go semiotyki czy strukturalizmu.

Wprawdzie Ojciec nie zachęcał mnie raczej do studiowania etnografii (podsuwał — jak pamiętam — lektury typowo socjo-

logiczne), ale wydaje mi się, że w atmosferze mojego domu rodzinnego nie sposób było nie zostać właśnie etnografem. Kiedy podjęcie przeze mnie studiów etnograficznych stało się faktem, to właśnie Ojciec zachęcał mnie do dalszych poszukiwań pozaetnograficznych w imię preferowanego przez siebie „sięczenia okrakiem”, co było dlań tożsame z ogólniejszym, mniej partykularnym spojrzeniem na zjawiska otaczającego nas świata. Tak też się stało i powoli zainteresowania Jego i moje nieco się rozeszły, co jednak sprawiło mu satysfakcję. Wielokrotnie powtarzał, że żałuje jedynie, iż sam nie zdola już poznać takich to a takich spraw i zagadnień, ale właśnie młodzi powinni „przejąć paleczkę” i kształcić się w różnych kierunkach dla dobra etnografii.

W momencie śmierci Józefa Burszty — mego Ojca i wielkiego nauczyciela, skończyła się dla mnie pewna epoka. Nie chodzi tylko o to, iż nie mam już Ojca, ale o to, że zabrakło nagle mechanizmu napędzającego do pracy, zabrakło najważniejszego czytelnika, krytyka, punktu odniesienia dla wszelkich poczyniń. I to już się nie zmieni nigdy. Znając ludzi, którzy stykali się z Ojcem przez lata — a myślę głównie o kontaktach zawodowych — powiedziałbym, iż zostaliśmy wszyscy pozbawieni dobrego i życzliwego człowieka, naukowca i społecznika. A to wszystko, co będę robił w przyszłości, będzie już inne...

Wojciech J. Burszta

S U M M A R I E S • P E R S O N A L

Zbigniew Benedyktowicz SYMBOL IN ETHNOGRAPHY

The article deals with a complex relation between ethnographic interpretations and symbol and symbolic analysis. Special emphasis is put on the works concentrating on the characteristics of symbol as opposed to sign (Eliade, Ricoeur, Avierincev). Z. Benedyktowicz searches in Polish ethnography for symbol interpretation coinciding with that of Eliade. He refers to W. Dynowski's concise definition calling ethnography a science which divides and joins cultures of various societies; the author also stresses the dialogical character of symbolic interpretation which reveals the ethnographical quality in Eliades' works.

Jurij Lotman — SYMBOL IN THE SYSTEM OF CULTURE

The notion of symbol functions nowadays in various meanings; it may be, for example, synonym of sign, or of iconic sign (de Saussure). J. Lotman, in his turn, brings forth another meaning of sign, i.e. symbol conceived as expression of a non-sign essence, a kind of bridge between the real and mystic worlds: irrational contents glitters through expression. No definite relation between text-contents and text-expression seems evident, the latter always alluding somehow to the first. There is always something archaic in such-conceived symbol and it never belongs to one synchronic section of culture; it rather penetrates it, coming from the past and continuing into the future. In this way symbol functions as cultural memory. Hence its double nature: penetrating the deposits of cultures and linking various chronological layers, symbol fulfills itself in its invariant form; at the same time, however, it actively correlates with the cultural context and is transformed through its influence: its constant essence fulfills itself in a number of variants.

Further considerations in which J. Lotman analysis literature and art reveal differences in the attitude to symbol in Tolstoy (for whom word is purely conventional) and Dostoevski (symbolic attitude to the language and characters); the author reaches the conclusion that symbol is a semiotic condenser: it relates the semiotic reality to the non-semiotic one, it is a medium-agent among various spheres of semiosis, between the synchrony of the text and cultural memory.

Michał Klinger — SYMBOL IN THEOLOGY. THE IMPORTANCE OF ELIADE'S ANALYSIS OF RELIGIOUS SYMBOLISM FOR CONTEMPORARY THEOLOGY.

Eliade's contribution to theology is undeniable, since he

proves that the true reality, seen as sacrum, is legible through symbols. M. Klinger, an Orthodox theologian, ranks Eliade among the most illustrious theologians of our times. The author considers the following to be Eliade's greatest achievements: 1) rejection of the practice of identifying symbol with sign: symbol is never a „symbol of something”, since itself it is a condensed reality; 2) formulation of the method of symbolic interpretation of religion.

When speaking of the application of the „symbolic method” in ethnology, M. Klinger remarks that it tends to consider symbol as sign, for the fidelity to symbol requires faith. M. Klinger objects to Ricoeur's excessive intellectualizing of symbol (symbol is far more than a mere „hint”) and Lotman's established ontological status of the notion of symbol. Moreover, the author remarks that Eliade's image of symbol does not actually exist in modern theology.

Paul Tillich — SIGNIFICANCE AND JUSTIFICATION OF RELIGIOUS SYMBOLS

Religious symbols are the only means of religion's direct expression. It can also express itself indirectly in theological, philosophical, and artistic terms. P. Tillich distinguishes the following features of symbol: 1) by applying symbolic matter, it points out to what is beyond itself and participates in the reality it points to; 2) it is not created by convention, but is, in a way „born” (therefore, it may also die); 3) it can reveal various dimensions of the reality and relate them to different dimensions of the human spirit; 4) it has an integrating and desintegrating power.

Mircea Eliade — METHODOLOGICAL REMARKS ON THE STUDY OF RELIGIOUS SYMBOLISM

The text translated from English explains the today's interest in symbolism. It reveals convergencies and discrepancies in the attitude to the subject of the research between history and religion and anthropology, as well as between sociology and theology. It also presents a concise analysis of religious symbolism and discusses the problem of the historicity of symbols.

Mircea Eliade — ORDEAL BY LABYRINTH. CONVERSATIONS WITH CLAUDE-HENRI ROCQUET

The fragments of the conversations with Rocquet translated from English concentrate on the three following topics: hermeneutics, differences between hermeneutic and demystifying approach, as well as religion and its subject, sacrum.

Stanisław Cichowicz — WHAT CAN THE HERME- NEUT DO WHEN THE TIMES ARE HARD...?

The title of the essay paraphrases Hölderlin's verse and also refers to the words of H. G. Gadamer, a German hermeneut "Hermeneutics enters the stage when the process of communications between people and with oneself has been disturbed". The essay makes one reflect on the hermeneut's role, position, and importance in contemporary times. And they are the times of hostility of the man towards man, times when the man does not understand other people, neither his contemporaries, nor his ancestors, nor alien cultures, and in particular cases also himself. Therefore, all the hermeneuts after Dilthey think that their position of the intermediary in the inter-human communications is the most important for human life. Studying the Greek etymology of the word "hermeneutics", S. Cichowicz points out to Hermes, the intermediary and interpreter of signs given to people by gods. Hermes would thus be the first hermeneut remaining on the borderline between sacrum and profanum. In modern days, when sacrum is being neglected, there seems to be no place for the true and certain interpretation outside the sphere of faith. Having rejected Ricoeur's formula: "One should understand in order to believe, but one should believe in order to understand", hermeneutics must be capable of relying on the ontology of man created specially for its purposes. Otherwise, it will remain but an auxiliary discipline to philosophical linguistics.

Bohdan Tadeusz Urbanowicz — BRANCUSI

In his article B. Urbanowicz writes about Brancusi's life, works, and his meeting with the sculptor, which took place in the sculptor's studio three months before the artist's death.

Mircea Eliade — BRANCUSI AND MYTHOLOGY

In his article M. Eliade points out that Brancusi's work was not a direct imitation of Rumanian folk art. It was the acquaintance with African art and deep understanding of contemporary art in general that enabled Brancusi to discover the riches of his own tradition. The artist reached the sources of the forms he cultivated through the interiorization process and anamnesis. He was able to re-discover "being in the world", so typical of the archaic man. And this is what his genuine achievement lies in: rather than contributing to contemporary art, he reaches its roots, which, according to Eliade, lie deep in early palaeolith and Neolithic age; this concerns both African and traditional folk art.

Continuing, Eliade discusses two important motifs in Brancusi's work, both derived from Rumanian folklore, i.e. "A Never-ending Column", and the cycle "Birds" (Paserca Maiastra" — „Magic Birds").

Dariusz Czaja — MYTH, ART, INTERPRETATION.

The article is meant to be an epilogue to Eliade's considerations on Brancusi. Following Avierincev, the author distinguishes

two types of the society: the archaic one characterized by "the original total myth", and the society in which myth is revealed through "varied artistic creativity". Within the latter Avierincev distinguishes two major attitudes, namely classical and romantic ones. The romantic attitude, with vivid and emotional approach to myth, is also typical of the 20th-century art. Avierincev postulates the research of culture to reveal the role of myth ("original scheme of representations") in art. D. Czaja examines three instances of such symbolic approach to art. They are as follows: the analysis of Brancusi's art carried out by M. Eliade, a historian of religion, the analysis of symbolic complexes connected with the figures of the jester, clown, harlequin, and thightrope dancer made by Jean Starobinski, a historian of literature, and finally the analysis of Piotr Machalowski's painting by Mieczysław Porębski, a historian of art. In all the three instances the author proves how through a long elaboration of certain subjects universal meanings ("original schemes of representations" in Avierincev's terms) come to be expressed.

Ryszard Ciarka — SACRUM, MYTH, BOOK

Eliade's work *Sacrum, Myth, History* has played a significant part in the humanities, particularly in the Polish ethnology. R. Ciarka in a peculiar manner analyzes the importance of the book; he follows the vicissitudes of one private copy which read by various people returned to the owner enriched (?) by some underlinings, marginal notes, and remarks, and on the other hand lacking (?) some quotations. How and where do those missing quotations function?

Wojciech Zaleski — SUPPLICATORY SHRINES AND HOLY PINES NEAR SUPRAŚL

Little shrines placed on trees in the Knyszyna Forest were connected with the forefathers' cult. Before the 1863 national insurgency they used to function as "contact boxes" for emissaries. Nowadays the shrines examined by the author in the years 1972—76 are a rarity.

The trees, particularly pines, carrying the little shrines were regarded to be "holy". It was long believed that those who cut them down would be punished. And that is how the holy pines survived, although the forest had been devastated. At present, however, they gradually disappear.

The present issue contains a BIOGRAPHICAL NOTE of the late WANDA TELAKOWSKA, a great activist and artist, who died in 1985. She contributed largely to the introduction of folk motifs into industrial design and attracted a number of talented artists to the Institute of Industrial Design, established after World War II. B. Urbanowicz and A. Jackowski also devote their papers to Wanda Telakowska.

H. Kenarowa writes about MARIA BUJAKOWA, the late artist, from Zakopane, who educated a whole generation of tapestry artists.

РЕЗЮМЕ

Збигнев Бенедиктович — СИМВОЛ В ЭТНО- ГРАФИИ

Автор прослеживает сложное отношение интерпретации к символу и символическому анализу. Особое внимание посвящает трудам на тему специфики символа, рассматриваемого как противоположность знака (Элиаде, Рикёр, Аверинцев), прослеживает также проявления близкого Элиаде понимания символа в польской этнографической мысли. Ссылаясь на лапидарную дефиницию В. Дыновского, утверждающего, что этнография это наука о том, что разделяет и что объединяет культуры разных обществ, акцентирует диалогический характер символической интерпретации, позволяющий распознавать этнологическую ценность в работах Элиаде.

Юрий Лотман — СИМВОЛ В СИСТЕМЕ КУЛЬ- ТУРЫ

Понятие символа функционирует в настоящее время в разных значениях: может быть, например, синонимом знака или же как у Сосюра иконоического знака. Лотман концентрирует свое внимание на еще другом его значении: символ понимается здесь как выражение незнакомого естества, выполняя роль моста между реальным и мистическим миром — иррациональное содержание мерцает сквозь выражение;

между текстом-содержанием и текстом-выражением нет строго определенной корреляции, этот последний всегда является как бы намеком на первый. Так понимаемый символ имеет в себе всегда нечто архаическое и никогда не принадлежит к одному синхроническому разрезу культуры, всегда „пронизывает" его, приходя из прошлого и уходя в будущее. Тем самым символ выполняет роль механизма памяти в сфере культуры. В этом можно проследить его двойственную натуру: проникая через культурные наслоения, объединяя разные хронологические периоды, символ реализуется в своей инвариантной форме, одновременно однако активно коррелирует с культурным контекстом и трансформируется под его влиянием: его неизменное естество реализуется в вариантах.

Дальнейшие рассуждения, в которых автор прибегает к литературе и искусству, указывая, в частности, на различия в подходе к символу у Толстого (для которого слово является чем-то часто обиходным) и Достоевского (символическое отношение к языку и образу), приводят к выводу, что символ играет роль семиотического конденсатора: объединяет семиотическую действительность с несيميотической, является посредником между разными областями семиоза, между синхронией текста и памятью в сфере культуры.

Михаил Клинтгер — СИМВОЛ В ТЕОЛОГИИ. ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНЫХ СИМВОЛОВ ЭПИКЕИДЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОЛОГИИ

Работа Элиаде имеет огромное значение для теологии, ибо она показывает, что подлинная действительность, понимаемая как святость, понятна благодаря символам. Автор — православный теолог — ставит Элиаде в ряду виднейших теологов современности. Его главными заслугами считает: отказ от практики отождествления символа со знаком; утверждение, что символ никогда не является символом чего-то — сам по себе является квинтэссенцией действительности; предложение метода символической интерпретации религии. Клинтгер, говоря о применении „символического метода” в этнологии, обращает внимание на его склонность к трактовке символа как знака — ибо пребывание в кругу символа требует веры. Рикёра предупреждает в излишней интеллектуализации символа (ибо символ дает гораздо больше, чем „заставляет задуматься”), а Лотмана в его определении статуса онтологического понятия символа. Автор отмечает также, что и в современной теологии элиадовское представление о символе практически не существует.

Пауль Тиллих — ЗНАЧЕНИЕ И ОБОСНОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ СИМВОЛОВ

Религиозные символы это единственный путь, благодаря которому религия может высказываться непосредственным образом. Косвенным образом она может высказываться в теологических, философских и художественных терминах. Автор выделяет следующие черты символа: используя символическую материю указывает на сферы вне него; участвует в действительности, на которую указывает; не создается согласно общепринятым нормам — он как бы „рождается” (и поэтому может отрицать); обладает силой раскрытия разных измерений действительности и связывания их с разными измерениями человеческого духа; обладает силой интеграции и дезинтеграции.

Мирцеа Элиаде — БРАНКУЗИ И МИФОЛОГИЯ

Элиаде отмечает, что творчество Бранкузи не было непосредственной имитацией румынского народного искусства. Эксперименты с африканской пластикой, глубокое понимание современного искусства позволили ему открыть богатство традиции собственного народа. Путем процесса выявления внутреннего, путем анамнеза он нашел источник форм, которыми руководствовался в своем творчестве. Бранкузи удалось вторично открыть „битие в мире”, свойственное архаическому человеку. И в этом заключается сила гения этого мастера: не в обогащении современного искусства, а в открытии его первоисточников, которые согласно Элиаде (как в отношении африканского, так и вообще традиционного народного искусства) полностью уместаются в раннем палеолите и неолите.

Далее Элиаде рассматривает два весьма существенных мотива творчества Бранкузи родом из румынского фольклора: „Бесконечная колонна” и цикл „Птицы” (*Pasarea Maiastra* — Магические птицы).

Мирцеа Элиаде — МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ИЗУЧЕНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ СИМВОЛИКИ

Переведенный с английского языка текст о изучении религиозной символики выясняет базу этой проблемы; указывает на близость и различия в подходе к предмету своих исследований между историей религии и антропологией, социологией и теологией; дает краткий обзор религиозного символизма; затрагивает проблему историзма символа.

Станислав Цихович — И К ЧЕМУ ЖЕ ГЕРМЕНЕВТИКА В ЧАСЫ НЕДОЛИ...

Название статьи — парафраза строфы Хёльдерлина „И к чему же поэт в часы недоли...”, одновременно имеет связь со словами немецкого герменевта Х. Г. Гадамера: „Герменевтика вторгается там, где подвергается нарушению процесс взаимопонимания

между людьми и понимания самого себя”. Это эссе призывает к переосмыслению роли, позиции и значения герменевта в современном мире. Ведь это время враждебности человека по отношению к людям, время непонимания других, причем как своих современников, так и предков, вообще иных культур, а в ряде случаев время непонимания самого себя. Поэтому герменевты — согласно Дитлею — считают, что их занятие (посредничество в человеческом взаимопонимании) является важнейшей проблемой человеческого бытия. Напоминая о греческом происхождении слова „герменевтика”, автор указывает на Гермеса как посредника, объясняющего знаки, которые давали людям боги. Гермес был своего рода первым герменевтом, пребывающим на границе сферы *sacrum* и *profanum*. В нынешнее время, время забывшее *sacrum*, кроме сферы веры нет места для по настоящему безошибочной интерпретации. Герменевтика, оставая в стороне формулу Рикёра: „Следует понимать, чтобы верить, следует однако верить, чтобы понять”, должна, обуславливая свою миссию, опираться на специально приспособленную для этой цели онтологию человека.

Дариуш Чая — МИФ, ИСКУССТВО, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Статья задумана как послесловие к тексту Элиаде о Бранкузи. Вслед за Аверинцевым автор разграничивает два типа обществ: общество архаического типа, характеризующееся существованием „первобытного тотального мифа”, а также общества, в котором миф находит проявление, в частности, в „разнообразном художественном творчестве”. В этой второй сфере функционирования мифа Аверинцев выделяет две принципиальные позиции: классическую и романтическую. Вторая позиция, характеризующаяся живым и эмоциональным отношением к мифу, присуща также творчеству XX века. По мнению Аверинцева задачей исследователя культуры является выявление роли мифа в искусстве как „первобытной схемы изображений”.

Автор иллюстрирует на трех примерах такой символический подход к искусству. Это: анализ творчества Бранкузи, сделанный историком религии Элиаде, анализ сложных символических комплексов, связанных с образами шутов, клоунов, арлекинов и канатоходцев, произведенный историком литературы Яном Старобиньским, а также анализ живописи Петра Михаловского, принадлежащий искусствоведу Мечиславу Порембскому. Во всех этих примерах акцентируется момент, как художник путем долгой разработки определенных тем доходит до выражения универсальной правды, „первобытной схемы изображений” — как назвал бы это Аверинцев.

Ришард Циарка — SACRUM, МИФ, КНИГА

Книга Элиаде *Sacrum, Mit, Historia* сыграла необычайно важную роль для гуманитарных наук, а в особенности для польской этнологии. Автор останавливается на значении этой книги.

Войцех Заленский — ВОТИВНЫЕ ЧАСОВЕНКИ И СВЯЩЕННЫЕ СОСНЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ СУПРАСЛЯ

Деревья, особенно сосны, на которых вешали часовенки, считались „священными”. Долгое время верили в возмездие, ожидающее каждого, кто попытается их срубить. Поэтому сосны уцелели во время вырубки неса, хотя сейчас их уже все меньше и меньше. В номере помечаем ЗАМЕТКУ К БИОГРАФИИ, скончавшейся в 1985 году Ванды Теляковской, выдающейся деятельницы и художницы, заслугой которой было введение народных мотивов в художественное проектирование, а также привлечение к созданному после войны Институту художественного проектирования группы выдающихся художников. О Теляковской пишут также Б. Урбанович и А. Яцковский.

Н. Кенарова пишет о МАРИИ БУЯКОВОЙ из Закопане, недавно умершей художнице, воспитавшей целое поколение мастеров, занимающихся художественной тканью.